

Марина
СЕРОВА

**Пока гром
не грянет...**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

ЭКСМО

Марина Сергеевна Серова
Казусы частного сыска
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126135

Пока гром не грянет... Казусы частного сыска: Повести: Эксмо; М.;

2000

ISBN 5-04-003735-X

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Серова

Казусы частного сыска

Глава 1

«Хиловато для бизнесмена-то, – подумала я, глядя на едва освещавший интерьер кафе тусклый желтый фонарик сквозь стакан с такой же тускло-желтой жидкостью, носящий здесь гордое название „коктейль лимонный“. – Ну и гадость! Да и кафе, надо сказать, забегаловка какая-то, а не кафе... Ага, вот и сам идет. С коктейлем. Бизнесмен...»

Росту в бизнесмене было, наверное, метра полтора. Ну, может быть, чуть побольше – он был на две головы ниже меня.

Люди небольшого, а тем более маленького роста обычно выглядят смешными, но Александр Александрович обладал полной достоинства манерой держаться и довольно благообразной внешностью – борода, причесочка аккуратная. Так что его можно было назвать как угодно, только не смешным.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес Александр Александрович Кошкин, со стаканом в руке опускаясь на стул рядом со мной, – теперь и поговорить можно.

Он вдруг посмотрел на мой нетронутый коктейль.

– Что же вы не пьете? Не нравится?

– Нравится, – я отхлебнула глоток этой мерзости и через силу улыбнулась, – очень даже ничего...

– Ну и славно, – сказал он, – сразу перехожу к делу.

Я кивнула и с облегчением отодвинула стакан.

– Как вы уже догадались, Женя, – продолжал Александр Александрович, – я хочу предложить вам работу. Мне говорили, что вы очень хороший телохранитель. – Последнюю фразу он произнес с полувопросительной интонацией.

Я снова кивнула и усмехнулась про себя – «очень хороший»! Сомневаюсь, чтобы где-нибудь в этом городишке нашли телохранителя лучше меня.

– Вы учились этому где-нибудь? – задал очередной вопрос Кошкин.

– Да. – Я нашла в себе силы сделать еще один глоток лимонного коктейля.

– А где? – полюбопытствовал он.

– М-м... Курсы проходила. В столице, – развивать эту тему я не стала.

– Ваш гонорар... – он назвал сумму, – это, конечно, не считая всяческих расходов, премий...

Я задумалась. Честно говоря, сумма, предложенная Кошкиным, меня несколько удивила. Хотя я, признаться, привыкла к достаточно высокой оплате моего труда. А тут чуть ли не в полтора раза больше обычной ставки.

Странно... После того как он назначил мне встречу в подобной дыре да еще угостил этим мерзким коктейлем... Ин-

тересно, почему он решил отвалить мне этикие деньжищи?

– Александр Александрович, – произнесла я, – обычно клиенты обращаются ко мне, когда им грозит определенная опасность. Для телохранителя, так сказать, повседневного мои услуги стоят слишком дорого. А вы мне предлагаете... достаточно большую сумму и не говорите, в чем заключается дело.

Кошкин несколько смешался. С минуту помолчав, он заговорил:

– Ну-у, каждый бизнесмен должен опасаться... Конкурен-
ты там, мафия... – Видя по моему лицу, что такая форму-
лировка меня не устраивает, он поджал губы: – И вообще, я
вам плачу, кажется, не за то, чтобы вы задавали мне вопро-
сы. Правильно?

Я развела руками:

– Как хотите...

Он немного помолчал, глядя на дно своего стакана. Спро-
сил:

– Ну так как? Вы согласны?

Странно все это было – дрянное кафе, отвратительный
коктейль, и вдруг – огромная плата, предложенная за мои
услуги... А то, что Кошкин от меня что-то скрывает, дога-
даться было нетрудно.

Впрочем, что это я? С каких это пор стала бояться труд-
ностей? Тем более гонорар вполне приличный...

– Согласна, – просто ответила я.

– Ну и отлично! – просиял Александр Александрович. – Осталось обсудить некоторые формальности. – Он поднял свой стакан: – За удачу!

Вот они, трудности-то, начинаются! Отсалютовав Кошкину своим стаканом, я зажмурилась и единым махом опрокинула в себя ядовито-желтую жидкость.

* * *

Домой я пришла только к вечеру. Чертовски голодная и усталая. Обсуждение «некоторых формальностей» затянулось надолго, а заказать ужин Александр Александрович не удосужился. Хотя, может быть, это и к лучшему – если о качестве тамошних блюд судить по тому же лимонному коктейлю.

Дверь мне открыла тетушка. Выглядевшая толстой в своей пуховой кофте, она, казалось, заняла собой половину всего пространства нашей тесной прихожей. Под мышкой у нее была объемистая книга, а в руках – тарелка со сладким пирогом, порезанным на тонкие ломтики. Точно, я оторвала тетю Милу от излюбленного ее занятия – чтения детективов.

– Есть хочешь, Жень? – спросила она.

Взяв с ее тарелки ломтик побольше, я целиком запихала его в рот и утвердительно замычала: да, мол, очень хочу.

– Я уже поужинала, но, если ты не против, выпью с тобой чаю, – предложила тетя.

– Конечно, – прожевав наконец пирог, выговорила я и прошла на кухню. Тетя Мила, раскрывая на ходу книгу, отправилась дожидаться, пока я поем и позову ее пить чай.

У тети я живу уже около двух лет. Средства позволяют мне купить собственную квартиру, но, честно говоря, мне не хочется переезжать от тетушки, я к ней привыкла, да и ей без меня будет скучно.

Сама я родом из Москвы. Там же и образование получила. Никаких курсов, как соврала Кошкину, я не кончала. А окончила специализированный военный институт. Все, что мы там изучали, перечислить довольно сложно. Пожалуй, достаточно будет сказать, что основными заказчиками выпускников были КГБ и военная разведка.

После специнститута последовали три долгих года службы в отряде «Сигма».

Вот такие у меня были «курсы телохранителя».

Майор Уриевский, руководитель отряда «Сигма», как-то сказал, что из нас в конечном итоге должны получиться такие солдаты, перед которыми всякие там штирлицы и джеймсбонды будут выглядеть просто щенками.

И он был прав. Те, кто выжил после трех лет непрерывной работы над своим телом и разумом, после бесконечных практических заданий, проходивших то в Афганистане, то еще в каком-нибудь милом местечке, стали настоящими суперменами. Суперагентами. Суперсолдатами.

Два года назад я покинула Москву. Казалось бы, прекрас-

ная подготовка, карьера опять же... Но мне просто не хотелось стать, как это говорится, марионеткой в грязных играх политиков. Большинство моих вчерашних однокашников до сих пор работают во всех горячих и не очень точках мира. Устанавливают мир или, наоборот, разжигают войну – в зависимости от приказа хозяев.

Я же решила удовлетвориться скромной участью переводчика и репетитора. Европейские языки я знала превосходно – спасибо институту. Да вот еще иногда брала на себя труд оберегать тучное тело какого-нибудь толстосума. И сама не заметила, как стала известной личностью среди местной предпринимательской элиты.

В последнее время заказы стали поступать довольно часто. Обычно я заключала контракт на месяц, или на несколько месяцев, или – реже – на полгода. Проблемы, которые заставляли местных бизнесменов пользоваться моими услугами, я считала смехотворными. Моей подготовки вполне хватало, чтобы решить эти проблемы в кратчайшие, так сказать, ударные сроки.

Впрочем, иногда попадалось и кое-что любопытное, что заставляло меня несколько напрячься...

– Гражданка Охотникова! – раздался вдруг из комнаты те-тушкин голос. – Евгения Максимовна! Чайник поставила?

– Сейчас! – отозвалась я, положив свою тарелку в раковину. – Варенье к чаю доставать? – Я зажгла под чайником газ.

Когда мы почаяевничали, было уже совсем поздно. Половина одиннадцатого вечера. Ровно в одиннадцать ко мне обещал заехать Кошкин, мой новый клиент. По условиям контракта, заключенного на один месяц, я должна была немедленно переехать к нему. Чтобы, так сказать, не покидать объект ни днем, ни ночью.

Что ж, разумно. Это так называемый полный график работы. А хорошие деньги нужно хорошо отрабатывать.

Особенно возиться со сборами мне не пришлось. Я только удалилась на несколько минут в свою комнату, заперлась там и открыла свой тайник. Есть у меня такие вещи, которые непосвященным людям лучше в руки не брать. Да и посвященным следует обходиться с ними поосторожнее...

Что-то вроде шпионских аксессуаров – стреляющие запонки и так далее...

Собрав в небольшую, наглухо закрывающуюся сумочку, которую я тоже достала из тайника, с десятков «шпионских штучек», я закрыла тайник и вышла из комнаты. В прихожей наткнулась на тетюшку Милу. Она в ночной рубашке направлялась в ванную.

– Собираешься? – спросила меня тетя, которую я уже успела посвятить в суть дела.

– Ага, – ответила я и взглянула на часы, – хотя рановато

еще – тридцать пять минут только...

В этот момент раздался звонок в дверь. Тетя, засмущавшись, юркнула в ванную.

«Вот те на, – подумала я, посмотрев в глазок, – Кошкин Александр Александрович. Часы у него, что ли, торопятся?»

Я открыла дверь.

Кошкин переминался с ноги на ногу на лестничной площадке. Одна рука у него была заложена в карман, другой он нервно пощипывал бородку.

– Готова? – вместо приветствия осведомился он.

– Вроде...

– Ну тогда поехали быстрее.

– А что случилось? – спросила я, несколько обеспокоенная его видом. – И почему так рано?

– Не знаю, – Александр Александрович сделал шаг назад и заглянул в пролет лестницы. – Не знаю, – неуверенно повторил он. – Предчувствие плохое...

Ого, да у моего нового босса к тому же развито чувство интуиции. Вот счастье-то мне привалило!

– Когда вы мне выплатите аванс? – неожиданно поинтересовалась я.

Кошкин секунду смотрел на меня с недоумением.

– Завтра, – наконец выговорил он.

– Ну ладно, – произнесла я, – так как по условиям контракта считается, что к работе я уже приступила, опасаться вам нечего. Пойдемте вниз, лифт все равно не работает.

Александр Александрович пропустил меня вперед и двинулся за мной. Я даже спиной чувствовала, как он напуган.

Либо с ним что-то уже случилось и он не хочет об этом говорить, либо у моего клиента просто не в порядке с психикой.

– Вас подвез шофер? – спросила я, чтобы как-то отвлечь его от черных мыслей.

– А? Нет, – он тяжело дышал, – я сам приехал. Шофера того... отпустил. Вчера...

Да, случай тяжелый. Может быть, Александру Александровичу нужно было обращаться к услугам не телохранителя, а психиатра?

Хотя тогда, в кафе, он был совершенно спокоен. Странно...

Мы спустились вниз, к выходу подъезда. У Кошкина оказался вполне приличный сиреневый «Ситроен». Он уселся за руль и рванул прямо с места.

– Далеко ехать? – спросила я, когда мы вылетели со двора.

– Примерно час, – ответил Александр Александрович и потянул на себя рычаг переключения скоростей, – ну, может быть, минут сорок...

Мы понеслись еще быстрее.

– Я живу сейчас на своей даче, – пояснил он, – за городом.

Я отметила слово «сейчас». Точно, у моего клиента какие-то проблемы. Судя по всему, большие, если он даже переехал со своей квартиры на дачу за городом.

До дачного поселка мы добрались не за час и даже не за сорок минут – долетели за полчаса. Александр Александрович скорость нигде не сбавлял. Удивительно еще, как нас не остановили гаишники.

«Ситроен» спустился с шоссе на грунтовую дорогу, и через минуту мы въехали в поселок. Кошкин подкатил к большому трехэтажному особняку, окруженному высоким металлическим забором. Посигналил у ворот. Открыли почти сразу же, что меня удивило и, кстати, насторожило. Ведь тому, кто открыл ворота, нужно было стоять рядом с ними и поджидать машину хозяина.

Или обслуживающий персонал Кошкина отлично вымуштрован, или...

Едва различимый в темноте человек раздвинул створки ворот и отошел в сторону. Я прищурилась, стараясь получше рассмотреть его. Махнув рукой, как бы приглашая заезжать во двор, человек чуть отодвинулся в сторону, уступая нам дорогу. Что там у него?.. Показалось мне, что ли?

Почему он не отошел подальше?

Я настороженно следила за его движениями. Незаметно для Кошкина приоткрыла дверцу машины со своей стороны. Человек закинул руку себе за спину.

Вот оно! Есть!

– Пригнись! – бросила я Александру Александровичу.

Он послушно исполнил мое приказание. Я ударом ноги открыла дверцу и выпрыгнула из движущейся машины. По-

катила по земле.

В тот же миг в лобовое стекло «Ситроена» ударила автоматная очередь. Я приподнялась на локте – машина продолжала медленно заезжать во двор, с ее капота сыпались стекла. Человек, которого мы поначалу приняли за сторожа дачи, отступая назад, поливал огнем несчастную тачку.

Дождавшись, пока «Ситроен» заслонит меня от нападавшего, я вскочила и, пригнувшись, вбежала во двор, прячась за простреленный капот.

Выстрелы стихли. Я выглянула – киллер лихорадочно перезаряжал автомат.

Ага, вот сейчас самое время!

Мигом вскочив, я одним прыжком перемахнула через капот машины и еще в полете, не успев приземлиться, дотянулась ногой до головы нападавшего.

Хороший удар получился – киллер выронил автомат и, раскинув руки, рухнул на землю. Впрочем, он был не очень оглушен. Почти сразу же попытался встать на ноги. Ну уж этого я допустить никак не могла. Тем более что краем уха уловила какое-то движение сзади и характерный лязг взводимого затвора.

Я изо всех сил ударила поднимающегося с земли человека ногой туда, где горло переходит в подбородок. Захрипев, он снова упал. Но теперь уже точно так быстро не поднимется. Если поднимется вообще.

Скорее всего – последнее, я свой удар знаю.

Не теряя времени, я бросилась за ворота, стараясь все так же оставить между собой и нападавшими кошкинскую тачку.

Позади меня раздалось два сухих выстрела. «„ТТ“, – подумала я, – оружие старенькое, конечно, но вполне надежное».

Оказавшись за воротами, я пробежала метров пять вдоль забора дачи и, легко перемахнув через это двухметровое металлическое ограждение, бесшумно опустилась на землю. За спиной у второго нападавшего.

Тот меня, конечно, не видел. С минуту он стоял на месте, недоуменно покачиваясь во внезапно наступившей тишине. Потом подошел к своему поверженному напарнику. Сунув пистолет за пояс, он склонился над телом.

«Деревенщина! – с презрением подумала я, неслышно подкрадываясь к нему сзади. – Тоже мне – киллеры! Провинциалы!»

Внезапно под моей ногой, как это часто бывает в самые ответственные моменты, что-то хрустнуло. Человек с пистолетом вздрогнул, но оглянуться не успел – я подошла уже слишком близко.

Коротко размахнувшись, я сломала ему шею. Он упал на труп своего товарища.

Все.

Я подошла к машине и выволокла наружу полумертвого от страха Кошкина. Увидев бездыханные тела киллеров, лежащие друг на друге, он вскрикнул и предпринял попытку

снова забраться в свой «Ситроен».

– Все уже! Все кончилось, Александр Александрович! – поглаживая его по голове, как малого ребенка, произнесла я.

Поддерживаемый мною под руку, Кошкин, боязливо обходя трупы, двинулся к дому. По дороге я наклонилась и подняла с земли небольшого размера грабельки. Так вот что выдало меня, когда я подкрадывалась к киллеру!

Я прислонила грабли к забору. Кошкин не отходил от меня ни на шаг.

– Идите в дом, Александр Александрович, – попросила я, – мне еще во дворе прибраться надо.

Кошкин послушно кивнул и побрел, поминутно на меня оглядываясь, к дому.

* * *

Начала я с того, что перетащила трупы поближе к дому и загнала машину во двор. Как я заметила, никто из соседей на звуки выстрелов не вышел. То ли поблизости никого не было, то ли в этом дачном поселке к подобным перестрелкам уже привыкли. «Ситроен» не очень-то и пострадал – понадобится только вставить лобовое стекло и все. Еще пули пробили обшивку кресел, но это совсем пустяки. Только я взяла лопату, которая бесхозно стояла у забора, как из дома раздался жалобный крик.

Кошкин!

Ну что еще случилось?

Я со всех ног бросилась в дом. Александр Александрович с визгом вылетел мне навстречу:

– Там!.. Там!.. Василич, сторож!

Ну что ж, понятно – эти ребятки еще и сторожа порешили. Пройдя в комнату, я увидела сторожа Василича. Привыкший к стулу, он запрокинул голову назад, так что отлично была видна огромная резаная рана на горле. На полу под его ногами растеклась лужа крови, которая местами уже начала подсыхать.

Видимо, убийцы ждали Кошкина несколько часов.

По-моему, пришла пора кое-что выяснить у моего клиента. А то что же это такое получается – уже три трупа, а я даже не знаю, в чем дело?

Вытащив тело сторожа во двор, я взяла за руку вздрагивающего Кошкина и провела его в дом. Усадила на диван.

– Так что, уважаемый Александр Александрович, – спросила я, – может быть, вы мне хоть что-нибудь расскажете? Вполне возможно, что в следующий раз я не смогу среагировать так быстро. Согласитесь, лучше бы мне знать, что тут у вас такое интересное происходит?

Очевидно, мои доводы показались господину Кошкину убедительными. Он нервно сглотнул и начал рассказывать:

– Это все Никошкин...

– Кто? – не поняла я.

– Ну, Никошкин, мой бывший компаньон... Он теперь за

мною охотится...

– Подождите! – еще раз прервала я его. – Значит, вы – Кошкин, а он – Никошкин?

– Да. Фамилия у него такая...

Меня начал разбирать смех.

– Здорово! Кошкин – Никошкин... Антипод, значит... Ну-ну.

– Тут нет ничего смешного, – обиженно проговорил Кошкин, заметив мою реакцию, – абсолютно ничего! Я его, можно сказать, из грязи вытащил. Сделал своей правой рукой, а он...

– Что именно он? – постаравшись стереть с лица улыбку, поинтересовалась я.

Но Александр Александрович только отмахнулся от меня:

– Да что теперь!.. В общем, подставил он меня хорошо. Решил, что теневая экономика выгодней. Ну и... такую мне подянку подложил – хорошо, хоть ноги унес.

Так-так, уже интереснее. Все, как говорится, становится на свои места.

– Квартиры теперь у меня нет, – продолжал жаловаться Кошкин, – он бы и дачу рад отобрать, да только она записана на имя жены...

– А жена ваша где? – сразу же спросила я.

Александр Александрович неразборчиво промычал, что это, в сущности, не мое дело, и снова заговорил:

– Так вот Никошкин, сволочь, и охотится за мной...

– Постоите, постоите! – перебила я его. – Какой же смысл ему за вами охотится? Вы же, так сказать, уже полностью морально уничтожены?

Кошкин вздохнул и тоскливо посмотрел в черное окно.

– Ну, коль уж так, – выговорил он, – давай начистоту.

– Давайте, – несколько обескураженно согласилась я.

Давно, между прочим, пора. Вот уж скрытный человек какой!

– Дело в том, что, когда дела у меня «благодаря» этому гаду Никошкину пошли наперекосяк, я часть своих сбережений обратил в драгоценности. И зашил в стул. «Двенадцать стульев» читали? Ильфа и Петрова? Ну вот, у меня тоже был гарнитур из двенадцати стульев. Собственно, это число меня на подобную мысль и натолкнуло. – Кошкин снова вздохнул. – Я еще не знал тогда, что подлец Никошкин ведет двойную игру. Только в самый последний момент догадался. Квартиру у меня описали, имущество распродали и стулья эти тоже...

– А что же вы, – спросила я, чудовищным усилием воли заставляя себя сохранять серьезное выражение лица, – что же вы драгоценности-то из стула не вытащили?

– Да какое там! – снова замахал на меня руками Кошкин. – Я даже не знал, что имущество мое арестовано! Я тогда совсем другим занят был. Вот эта парочка, которую вы сегодня... того... за мной по всему городу гонялась. А я у приятеля в квартире отсиживался. Они меня и там выследи-

ли. Причем так интересно получилось. Где я нахожусь, знал только Никошкин. Я ему позвонил... Приятель не в счет – он давний друг отца. – Кошкин поднял вверх сжатый кулак. – Вот такой мужик! Могила! Ну, так вот, Никошкин приехал, сообщил мне, что имущество-то мое уже... тью-тью. Со мной чуть обморок не приключился... Я сдуру и раскололся. Все ему про стулья рассказал. Тут-то, – Александр Александрович перевел дух, – тут-то он себя и выдал – буквально через полчаса после его ухода явились эти добрые молодцы... Еле-еле успел я свалить через черный ход... Вот и сегодня в городе мне показалось, что я их заметил. Испугался очень. Потому и приехал к вам раньше времени...

Ага, моя догадка насчет причин раннего приезда Александра Александровича подтвердилась!

Кошкин остановился и вытер пот со лба. Видно, особого удовольствия эти воспоминания ему не доставляли.

– Никошкину же теперь нужно меня убрать. Или загнать в угол куда-нибудь, – снова заговорил он, – чтобы я не смог добраться до этих стульев.

Понятное дело!

Я достала сигареты и закурила. Белиберда какая-то получается. Сатира и юмор. Двенадцать стульев... Тоже мне, Киса Воробьянинов.

– Нечестно поступаете, Александр Александрович, – произнесла я наконец. – Когда мы с вами контракт заключали, вы ничего не рассказали мне о своих проблемах. Хотя мож-

но было догадаться – просто так ко мне никто не обращается, – добавила я.

– Тогда я вам вот что предлагаю, – произнес Кошкин так быстро, словно эти слова он приготовил уже давно, – мы заключим с вами договор...

– Еще один? – съехидничала я.

Кошкин замычал и замотал головой.

– Послушайте, послушайте! – заговорил он. – Там, в ступлях, целое состояние! Если вы поможете мне найти их раньше Никошкина, получите, – он сделал глубокий выдох, – пять процентов...

Тут уж я не выдержала и от души расхохоталась. Ну дела!

– Плюс, конечно, ваш гонорар. Тот, о котором мы договаривались...

Ну, здорово! Значит, мне предлагают роль великого комбинатора Остапа Сулеймана Марии Бендера? Вот чего-чего, а такого в моей практике еще не было. Как не было в моем роду и турецких подданных.

– А ключ... – давась от смеха, процитировала я бессмертное творение, – ключ от квартиры вам не нужен? Где деньги лежат?

Александр Александрович обиженно замолчал. Через минуту он тихо спросил:

– Отказываетесь, значит?... Ну что ж, спасибо за то, что вы уже успели сделать. Заплатить мне, правда, вам нечем, простите уж, что пришлось вас обмануть, но... денег в данный

момент у меня совсем нет. – Он закрыл лицо руками и глухо произнес: – Если я вдруг останусь в живых, обязательно расплачусь с вами.

Я несколько оторопела – или он хороший актер, или... В общем, мне стало жалко этого новоявленного Кису.

– На какую сумму вы припрятали драгоценностей? – спросила я.

Он быстро поднял голову, удивленно и радостно посмотрел на меня:

– Вы?..

– Чтобы знать, сколько будет десять процентов от этого, – уточнила я.

– Вы согласны? – договорил Кошкин и назвал сумму.

Я присвистнула:

– Прилично... – Потом, внутренне умилившись умоляющему взгляду Александра Александровича, добавила: – Согласна.

Глава 2

Участвовать в процессе захоронения трупов Кошкин отказался наотрез. Он, видите ли, боится мертвых. По-моему, бояться нужно живых. Мертвые, они в большинстве своем тихие.

Ну и черт с ним, с Кошкиным. Сама справлюсь. Приятно все-таки иногда и лопатой помахать. А к виду трупов я давно привыкла.

Тело же убиенного сторожа Александр Александрович решил положить в погреб. Утром он отвезет его на местное кладбище, где тамошний начальник чего-то Кошкину должен.

В общем, с почестями похоронят погибшего на боевом посту.

Мне, кстати, такое отношение Кошкина к выбывшему из строя сотруднику понравилось. Приятно все-таки осознавать, что при неблагоприятном исходе нашего мероприятия мое бездыханное тело не бросят на поклев воронам.

Хотя, впрочем, подобный «неблагоприятный исход» скорее всего невозможен. Даже наверняка – невозможен. Не по зубам я здешним бандитам, явно не по зубам...

Когда я, выкопав яму на заднем дворе дачи, свалила туда трупы убийц, забросала их землей и, тщательно замаскировав следы захоронения, наконец отнесла на место лопату, было уже половина пятого. Светало. Где-то вдалеке заорал дурным голосом ранний петух.

Устало отдуваясь, я вернулась в дом. Кошкин не спал. Он сидел на том же диванчике, где я его оставила. Обхватив руками голову, мой клиент раскачивался из стороны в сторону и что-то бормотал про себя. Вроде как заклинание какое-то шептал.

– Александр Александрович, – негромко позвала я.

Он медленно поднял голову. Посмотрел на меня красными воспаленными глазами. Н-да, человек совершенно выведен из равновесия. Припомнив институтские занятия теоретической психологией, подкрепленные практикой в отряде «Сигма», я присела рядышком с господином Кошкиным. Главное – ласковое прикосновение. Поглаживание, например. Ну и успокаивающие слова, конечно.

Я обняла его за плечи и погладила ладонью по щеке. Теперь нужно произнести что-нибудь этакое... К примеру – глупую шутку.

– Куда вы подевали сокровища убиенной вами тещи? – негромко прорычала я.

Но, вопреки моим ожиданиям, Кошкин шутку мою не оценил. Он как-то сразу сжался под моими руками.

– Не шутите так, – тихо, но с хорошо ощущаемой внутренней силой произнес он, – не надо над этим смеяться.

Я не сразу нашлась, что ответить.

– Нельзя же так горевать о деньгах, – сказала я наконец, – это же...

– Да не в деньгах тут дело, – с досадой, как мне показалось, перебил меня Александр Александрович, – хотя и в них тоже, – секунду спустя добавил он. – Просто... Никошкина я считал другом. Доверял ему одному... а он...

– Что он? – быстро спросила я, но Кошкин только принял попытку снова отмахнуться от меня, что ему, конечно, не совсем удалось – мы ведь сидели обнявшись, вплотную.

Осторожно поддерживая размякшего клиента за плечи, я, вздыхая, кивала, соглашаясь с его словами. Надо же выговориться человеку, вот я ему в этом и помогу – телохранитель все-таки.

Кошкин уже склонил голову мне на плечо. Немного погодя, не прерывая, впрочем, своей исповеди, он положил руку мне на колено. Еще минуту спустя принялся легонько поглаживать мою ногу, как бы осторожно исследуя ее поверхность.

Так-так, кажется, процесс успокаивания Александра Александровича Кошкина перешел в новую фазу. Я, кстати,

такой поворот событий предвидела.

Давным-давно известно, что секс – физическое сближение – лучшее средство для, так сказать, сближения духовного. А охранять мне чаще всего приходится особ мужского пола, и, так как Всевышний ни красивой фигурой, ни приятным лицом меня не обделил, эти самые особы мужского пола ко мне липнут, как мухи к банке меда.

Но когда Кошкин, зажмурив глаза, вытянул губы трубочкой по направлению к моему лицу – приготовился к поцелую, – я тихонько выскользнула из его объятий.

– Ты чего? – обиженно выговорил он.

– Потом, – сладко улыбнулась я, – нам нельзя терять бдительность.

Вот так.

А иначе я бы давно превратилась в проститутку для толстосумов. Ведь как удобно – и телохранитель, и любовница в одном лице. Приятное, как говорится, с полезным... Нет уж, уважаемые господа, что-нибудь одно...

* * *

Александр Александрович еще спал, уткнувшись носом в плюшевую диванную подушку, когда я, выйдя на крыльцо, принялась за утреннюю гимнастику. Было уже часов семь, а точнее – десять минут восьмого. На этой даче больше делать нам абсолютно нечего, пора уезжать отсюда куда-нибудь. Хо-

тя бы до ближайшего автосервиса – стекло-то лобовое нужно вставить. Чтобы лишний раз не привлекать внимание гаишников.

Насколько я поняла, у Кошкина денег совсем нет. Даже насчет аванса он меня обманывал. Ну что ж, его можно понять. Таких людей, как он, понять довольно просто – недалекий, но и не глупый, ну и так далее... Средний, в общем, тип, предсказуемый.

Закончив гимнастику, я вернулась в дом. Кошкин завернулся в старый плед, спасаясь от утреннего холода, и просыпаться не думал.

«А фамилия-то у Александра Александровича соответствующая, – подумала я, глядя на свернувшегося клубочком Кошкина, – ну прямо соседская Мурка, которая обычно спит на нашей лестничной площадке под батареей».

Однако пора бы уже ехать. Если на дачу никто не явился ночью, уж утром-то кто-нибудь точно заедет с проверкой. Не дождавшись доклада. Ведь ребятки, которых я закопала на заднем дворе, уже ни перед кем не смогут отчитаться.

Конечно, приезда новых «гостей» ночью я не опасалась – их просто-напросто постигла бы та же участь, что и незадачливых киллеров. Но сейчас было утро, тем более утро выходного дня, и я уже несколько раз слышала шум въезжающих в дачный поселок автомобилей. Нехорошо будет, если вся округа станет свидетелем перестрелки на даче предпринимателя Кошкина.

– Александр Александрович! – позвала я. – Подъем!

Кошкин сонно замычал и натянул плед себе на голову. Тогда я без всякой жалости сдернула с него плед и потрясла несчастного бизнесмена за плечо.

– Вставайте!

Кошкин перевернулся на спину, открыл один глаз и протянул:

– Же-еня... еще полчаса...

Не отвечая на его просьбы, я проследовала на кухню, набрала в кружку воды и, вернувшись в комнату, окатила холодной водичкой уважаемого господина Кошкина. Он взревел и вмиг скатился с дивана.

– Чего ты?! Чего?!

Чтобы не выслушивать беспочвенные и нечленораздельные обвинения, я удалилась во двор к машине, оставив Александра Александровича приводить себя в порядок. Мне еще предстояло перенести в «Ситроен» тело сторожа Василича. Наш бизнесмен, видите ли, боится трупов.

Из дома раздалось активное фыркание – Александр Александрович умывался.

Как выяснилось, этот процесс у Кошкина не затягивался. Буквально через пару минут Кошкин вышел ко мне. Без лишних слов он открыл ворота и, дождавшись, пока я выгону машину со двора, захлопнул их. Сел за руль.

Поехали.

– Александр Александрович, вы помните, с чего начинали свои поиски Бендер с Воробьяниновым? – поинтересовалась я, когда мы въезжали во двор автосервиса.

– С чего? – снова поморщившись от сравнения нашей ситуации с романом Ильфа и Петрова, переспросил Кошкин и нахмурился. – Они там о чем-то беседовали с дворником... и с этим... как его... голубым воришкой. Так, что ли? Я как-то кино видел. С Мироновым.

Н-да, я, конечно, понимаю, что нынешним предпринимателям классику родной литературы знать не обязательно, но все-таки... Хорошо, хоть фильм посмотрел. А так сразу и не скажешь, что Кошкин Александр Александрович человек неинтеллигентный, внешне он очень даже... Бородка такая приличная и пиджак вроде не красный. Черный пиджак.

Кошкин остановил «Ситроен» у первой же станции автосервиса. К нам сразу направился служащий в серо-голубом комбинезоне.

– Да нет, – продолжала я свою мысль, – я говорю о кардинальном шаге, тогда, когда...

– Ого-го, как вы стеклышко!.. – перебив меня, захохотал успевший подойти служащий автосервиса. – В копеечку влетит, господа, в копеечку.

Кошкин, услышав про «копеечку», болезненно помор-

щился.

– Ты, Женя, одолжишь мне сейчас... немного денег? – наклонившись ко мне, тихо так, чтобы не слышал служащий, произнес он. – А то... Я верну, честное слово, верну. После... этого... реализации.

Я усмехнулась.

– Но ведь это же лавочничество! – процитировала я. – Начинать полуторатысячное дело и ссориться из-за восьми рублей...

Кошкин нахмурился еще больше.

– Учитесь жить широко! – не удержавшись, добавила я.

– Женя! – вздохнул Александр Александрович укоризненно. – Я же просил не шутить так. Не остроумно, честное слово.

Я пожала плечами.

– Ладно, не буду...

Хотя, по-моему, очень даже остроумно. Не каждый же день такое случается. Я внутренне усмехнулась. Фильм он посмотрел! И бирюльки свои решил в стулья зашить. Как воробьяниновская теща. Интересно, а стул с драгоценностями он как-то пометил?

– Александр Александрович, – спросила я, – а вы стул, ну, в котором... это самое... помните? Вы пометили его?

Он удивленно заморгал глазами:

– Н-ну, помню стул... Он между диваном и письменным столом стоял. На него редко садились. Я бумаги туда ло-

жил...

– Клал, – машинально поправила я.

– А?

– Ничего. Понятно. Значит, метки никакой не поставили? – снова спросила я.

– Н-нет. Да зачем мне было ставить? Я же не знал тогда, что...

– Ладно, проехали.

Я выбралась из машины. Техник как раз закончил общий осмотр и подошел ко мне. Я достала с заднего сиденья свою сумочку с «шпионскими» аксессуарами. Перекинула ее через плечо.

– Так все нормально, по мелочи только там... А вот стекло лобовое, – он скорбно зацокал языком, как будто отсутствие у кошкинского «Ситроена» лобового стекла причиняло ему чудовищные душевные страдания, – стекло такое сейчас дорого стоит. Вы хотите тонированное?

Я вопросительно посмотрела на выбравшегося из машины Александра Александровича.

– Да какое там тонированное... к матери... – отмахнулся он, – обычное поставьте. Во сколько обойдется?

Техник, увидев, что, несмотря на дорогой костюм и крутую тачку, у господина с деньгами туговато, тут же перестал делать вид, будто глубоко сострадает искалеченной машине. Речь служащего сразу же стала суха, и даже смотрел он на нас несколько свысока. И цену назвал небрежно так, словно

бы заранее знал, что нам это будет не по карману.

– Делай! – сказала я служащему и, кивнув Кошкину в сторону стоящего неподалеку маленького кафе, вытащила сигареты. – Пойдемте, Александр Александрович.

Как и следовало ожидать, кафе оказалось еще хуже, чем то, где Кошкин впервые назначил мне встречу. Мы сели за столик. Лишь спустя несколько минут к нам скучающей походкой подошел неухоженный дяденька средних лет – официант.

– Заказывать... что будем? – зевая и страдальчески морщась, осведомился он.

– Кофе, – ответила я, – и пока все.

Официант прищурился, вздохнул, обдав нас сивушным перегаром, и удалился. Я вдруг прямо-таки физически почувствовала, как ему хочется опохмелиться. Ну и кафешка, просто дыра какая-то.

– Контингент... – многозначительно произнес Кошкин.

Надо же, какие слова знает Александр Александрович – «контингент».

– Итак, возвращаясь к теме нашего разговора, – произнесла я, – тот самый кардинальный шаг, предпринятый Воробьяниновым и О. Бендером в начале их поисков, о котором я начала говорить...

При упоминании литературных персонажей Кошкин снова скривился.

– Простите, – усмехнулась я, – так вот, тот самый карди-

нальный шаг был какой? Они пошли к старичку Коробейникову, вернее, пошел один Остап... Ну ладно... Короче говоря, нам нужно узнать, куда распределили ваши стулья. Вопрос в том, где узнать?

– Да не надо ничего узнавать, – устало проронил Кошкин, – я вчера уже все раскопал.

Здорово! Честно говоря, такой прыти я от своего Кисы Вороб... пардон, Александра Александровича Кошкина не ожидала.

Он достал из кармана блокнот:

– Вот, посмотрите, – и протянул его мне.

Я посмотрела. Так-так, интересно. Все двенадцать стульев расписаны. Весь гарнитур. Вот это да! Надо же, как раскидали! Хотя проникнуть в подобные заведения для меня – просто раз плюнуть. Я медленно прочитала весь список. Потом еще раз, чтобы он накрепко отпечатался в памяти: два стула – Дом творчества юных, два стула – бассейн «Молодость», еще два – районное почтовое отделение и еще – ого! – городская администрация, три стула – прокуратура города – тоже весело, и один стул – частное лицо – Троенько Михаил Васильевич.

– А кто это такой – Троенько Михаил Васильевич? – спросила я.

– Следовательно, – мрачно ответил Кошкин.

– Это он арестовал ваше имущество? – поинтересовалась я. – Поэтому вы его знаете?

– Да нет, – несколько даже самодовольно ответил Кошкин, – не он. Он такими делами не занимается. А знать-то я знаю почти всех из нашей прокуратуры. Приходилось стесняться...

– Ну, коль вы его знаете, – сказала я, прикуривая, – с него и начнем...

– Да нет! Нет! – замахал на меня руками Александр Александрович. – Нельзя с него начинать. Ты не поняла меня! Если я его знаю, это не значит, что мы хорошие знакомые. Скорее наоборот. Когда Троенько прочухает, что нам зачем-то нужны стулья, он... Хитрый черт!

– Хорошо, – согласилась я, – еще один конкурент нам и правда ни к чему. Тем более что у него всего один стул. Минимум, так сказать, шансов.

– Вот именно, вот именно, – закивал Кошкин.

Нам принесли кофе. Растворимый, как и следовало ожидать, причем слабый – одна вода.

– Что-нибудь еще? – бесцветным голосом поинтересовался похмельный официант.

– Ничего пока, – бросил ему Александр Александрович.

Официант постоял еще несколько секунд, словно колеблясь, спросить нас о чем-то или не спросить. Вздохнул, ничего не спросил и уныло удалился.

– А послушайте, – отхлебнув так называемый кофе, спросила я, – этот ваш Никошкин не может быть связан со следователем Троенько? Так, на всякий случай?

– Нет, – Кошкин недоуменно посмотрел на меня, – никак не может. Какие у них могут быть связи? Ментов, которые на теневиков работают в нашем городе – честь ему и хвала, – раз-два и обчелся. Человека четыре всего, – он пожал плечами, – Троенько точно не из таких.

– По-оня-атно, – протянула я. – А что, если Никошкин тоже заполучил эти сведения? Насчет стульев? Куда их распределили?

– Исключено! – твердо ответил Кошкин. – Человек, который предоставил мне эти сведения, дружок мой старинный. Не то что, – тут Кошкин с ненавистью клацнул зубами, – не то что этот Никошкин.

– М-м... – неопределенно отозвалась я.

Ох уж эти мне верные друзья! В институте и в отряде «Сигма» нас учили не доверяться до конца никому. Даже товарищам по учебе, даже бойцам своего отряда. Вот так-то.

– Может быть, еще что-нибудь закажете? – снова раздался над ухом тоскливый голос официанта. Кошкин даже вздрогнул. – Куры есть, гриль, салаты...

– Вам же сказали – пока нет, дайте поговорить спокойно! – рявкнула я на него.

Официант без всякого выражения на помятом лице посмотрел на меня и тихо отошел.

– Бумаги, в которых были эти сведения, – понизив голос, сообщил мне Кошкин, – уничтожены. Данные остались только в моем блокноте.

Я с одобрением кивнула. Неплохо Александр Александрович работает. Для роли Ипполита Матвеевича совсем неплохо. Закурив еще одну сигарету, я вырвала из блокнота листок со списком, потом еще один следом, на котором едва заметно отпечатался этот список, и, щелкнув зажигалкой, подожгла их.

– Эй! Эй! – закричал на все кафе Кошкин. – Что же ты делаешь? Как же мы теперь?!

– Страховка, – любуясь оранжевым пламенем, объяснила я. – Вдруг вы блокнот потеряете? Или вытащат его? – Я едва удержалась, чтобы не добавить – «с труп».

– Да, но как?! – продолжая сокрушаться, спросил шеф.

– Просто, – объяснила я, – я же все запомнила. На мою память, Александр Александрович, уж поверьте, можно положиться.

Он вздохнул и замолчал.

Я допила свой кофе и опустила догорающие листочки в чашку. Ложечкой размешала пепел.

– Вам еще кофе? – снова раздался над нами голос неуместного официанта. Он покосился на меня. – Между прочим, мусорить у нас нельзя. За чашечку придется заплатить.

– Да на! – обозлившись наконец, заорал на него Кошкин. – Вот прилип, как этот... – Он достал из бумажника пятидесятирублевую купюру и бросил ее на стол. – Хватит?!

Я успела заметить, что в бумажнике оставалось еще несколько таких же бумажек. Негусто.

Официант-надоедала хотел было что-то еще нам сообщить, но, посмотрев на зверски перекошенное лицо Кошкина, только еще раз вздохнул и страдальчески сглотнул. Было видно, что его мучает изжога. Так-то, голубчик, не надо пить!

– Пойдем, – поднялся Кошкин, – посмотрим, что там они с моей тачкой сделали.

Оставив страдающего похмельем работника кафе убирать наши чашечки, мы выбрались наружу.

* * *

За лобовое стекло кошкинского «Ситроена» мне пришлось отвалить кругленькую сумму. Ничего, потом сочтемся. Надеюсь, что у драгоценностей Александра Александровича будет другая судьба, нежели у сокровищ мадам Петуховой.

Конечно, неплохо, если денежки провинциального предпринимателя послужат государству, как воробьяниновские бриллианты, но... Мне же тоже нужно чем-нибудь питаться?

– Куда теперь? – спросил Кошкин, когда мы покинули станцию автосервиса.

– Ко мне, – ответила я, – прихватить денег на текущие расходы. Я же не знала, что...

– Ну, ладно, ладно, – проворчал Кошкин сконфуженно.

Я внимательно посмотрела на него. Ого, покраснел он, что

ли? Какой чувствительный! А впрочем, все состоятельные люди – я заметила – жутко смущаются, когда почему-то лишаются возможности продемонстрировать эту свою состоятельность.

Через полчаса мы уже были на месте. Я оставила Кошкина с его «Ситроеном» у соседнего дома. На всякий случай. Кто его знает, этого Никошкина? По всей видимости, мужичок он проворный – может быть, уже успел и меня выследить.

Хотя вряд ли.

Я зашла домой, взяла денег – последние, кстати. Если эта авантюра с Кошкиным не выгорит, я прямо не знаю, что делать. Пообщалась немного с тетушкой, предупредила ее, что отсутствовать буду несколько дней, чтоб не волновалась. (Мне иногда даже смешно становится, когда подумаю, что кто-то там может за меня волноваться. Это за меня-то?)

Совсем уже было распрощавшись, в дверях я вдруг почувствовала дивный запах свежесваренного кофе.

– Хочешь попить со мной кофе? – предложила тетя Мила, заметив появившееся на моем лице блаженное выражение – для меня на этом свете нет ничего соблазнительнее, чем чашечка хорошего и грамотно сваренного кофе.

– Хочу!

Пусть Кошкин подождет минут десять. Никуда он не денется. Маловероятно, чтобы на него за это время снова кто-нибудь напал.

Я вышла из своего подъезда, пересекла двор и приближалась к кошкинскому «Ситроену». Сам его хозяин, явно в сильном беспокойстве, стоял рядом. Издали можно было предположить, что Александр Александрович приплясывает – это он так нервничал. Дрыгался, как марионетка в руках пьяного кукловода. Наверное, заждался меня.

Несмотря на то что я почти вплотную подошла к нему, Кошкин упорно отказывался меня узнавать. Я самодовольно улыбнулась: ах, хорошо, не потеряла я еще своих навыков.

Снова на секунду на меня накатили воспоминания о годах службы в отряде «Сигма». Почти с первых дней моего пребывания там сослуживцы дали мне прозвище, которое с тех самых пор для очень ограниченного круга людей, посвященных в тонкости моей биографии, стало моим вторым именем – Хамелеон. В этом я была лучшей. Да, был там еще один парень... Виктором звали. Вот он мог бы, пожалуй, составить мне конкуренцию – у него тоже неплохо получалось.

Да, искусство маскировки я постигла в совершенстве. Грим, перемена походки, одежда и так далее...

Постепенно смена облика стала необходимой деталью в работе – я становилась практически неуязвима. Как вычислить человека, который постоянно меняет свое обличье?

Вот и сейчас – немного косметики, совсем чуть-чуть спе-

циального грима, ярко-рыжий парик, другая одежда – очень короткая юбка и прозрачная кофточка под джинсовой курткой, – и перед вами уже не Евгения Максимовна Охотникова двадцати семи лет от роду, а просто Женечка. Первокурсница. Ну, может быть, второкурсница.

– Заждались, Александр Александрович? – Мой голос теперь стал тоньше.

Кошкин вздрогнул и, обернувшись, посмотрел на меня широко распахнутыми глазами. Он никак не ожидал подобного вопроса от проходящей мимо незнакомой молоденькой девушки.

– Вам чего, красавица? – хмуро спросил он, разглядывая меня с ног до головы. – Мы знакомы, что ли?

– Знакомы, – ответила я своим обычным голосом.

Кошкин снова вздрогнул и впился глазами в мое лицо.

– Ты... это... того?.. – вопросительно промычал он что-то невнятное.

– Да я, я, – успокоила я его, – переделалась только. И подкрасилась. И парик вот... – Я повертелась перед ним, позволив рассмотреть себя со всех сторон. – Хорошо получилось?

– Н-да, – только и смог выговорить Кошкин, – по одному голосу и узнал... Ты где так научилась?

– Там же, на курсах телохранителей, в Москве, – снова соврала ему я.

И тут что-то произошло. Удивление, от которого Александр Александрович даже перестал приплясывать, посте-

пенно прошло. Кошкин побагровел и начал, постепенно повышая голос:

– Меня опять здесь чуть не пришили, пока ты там своими глупостями занималась! А я ждал целый час! Красилась она!

Рта мне не дал раскрыть. Не очень-то он, кстати, вежлив. Ну вот, опять что-то такое увидел, что ли? У шефа явно не все в порядке с нервами, как я уже заметила раньше.

Подождав, пока Александр Александрович немного успокоится, перестанет раздувать щеки и страшно выкатывать глаза, я положила ему руку на плечо и, глядя прямо в лицо (опять же уроки психологии!), негромко произнесла, тщательно выговаривая имя и отчество клиента:

– Что у вас, Александр Александрович, здесь произошло?

Как и следовало ожидать, ласковое прикосновение плюс спокойная речь подействовали, Кошкин немного притих.

– Я видел тут Длинного с Алкашом, – сообщил он мне.

– Каким еще алкашом? – не поняла я.

– Да Антоха Длинный и дружок его Алкаш – кличка такая, – пояснил Кошкин, – они Никошкины дружки.

– Так бы и говорили. Алкаши какие-то... Длинные...

– Они на тачке здесь крутились. В этом дворе полчаса назад.

– Что значит – крутились?

– Ну, проехали через двор два раза туда-сюда. «Фольксваген» у них, черный такой.

– Они видели вас? – спросила я.

– Меня – нет, я в тачке сидел, пригнулся еще. Но машину-то мою они знают.

Так, интересно. Правильно я поступила, оставив Кошкина вместе с его средством передвижения во дворе соседнего дома. Очень предусмотрительно. По крайней мере квартира, где живу я с тетушкой, не засветилась.

Только вот что меня интересует: эти ребята, Антоха Длинный и Алкаш, выследили нас или наткнулись на Кошкина случайно?

Впрочем, не так уж это и важно – мы с Александром Александровичем в этом дворе вечно торчать не собираемся.

– Ладно, поехали, – проговорила я, садясь в машину, – нас еще в Доме творчества юных ждут не дождутся.

– Давно пора, – проворчал Кошкин, тоже забираясь на свое место.

Он крутанул ключ зажигания и сказал, уже выжимая газ и от этого усилия сморщившись:

– Что-то сплеховали ребятки. Полчаса назад мою тачку засекли и до сих пор – ничего. – Кошкин даже улыбнулся. – Сплеховали.

А вот мне так не кажется. Странно как-то – не могли же никошкинские кореша просто так отпустить свою жертву. Ведь их-то шеф знает, сколько стоит тайна предпринимателя Кошкина, и уж точно сделает все возможное, чтобы не дать Александру Александровичу первому добраться до этих стульев.

Может быть, они установили за нами слежку?

Я огляделась по сторонам – мы в это время как раз выезжали со двора на проезжую часть. Но ничего похожего на черный «Фольксваген» не заметила.

Сменили тачку? За полчаса это вполне возможно.

В любом случае нужно быть настороже.

Глава 3

Всю дорогу до Дома творчества я только и делала, что следила – нет ли за нами «хвоста». Но то ли за нами действительно никто не следил, то ли наши преследователи были настолько искусны, что даже я со всей своей подготовкой и опытом ничего не заметила.

Правда, мне показалось, что бежевый обшарпанный «Москвич», который следом за нами вывернул из соседнего переулочка, когда мы выезжали со двора, слишком уж подозрительно едет сзади.

– Ну вот и приехали, – неожиданно для меня произнес Кошкин, сбавляя скорость и подводя свой «Ситроен» к обочине.

Я в очередной раз оглянулась – «Москвич» исчез. Ну, будем надеяться, что это было просто совпадение.

Или?..

«Хотя о чем мне особенно беспокоиться? – подумала я, выходя из машины и снова перекинув через плечо свою сумочку со „шпионскими штучками“. – Даже если они нас и выследили, то заставить меня врасплох им не удастся. Все-таки я еще чего-то стою. Не потеряла, так сказать, квалификацию».

Александр Александрович направился к большой высокой двери, на которой красовалась полуразмытая надпись –

«Дом творчества юных Фрунзенского района». Слово «района» было размыто почти полностью.

Ну да что возьмешь с провинциального заведения?

Я усмехнулась – сколько уже в этом городке живу, а все никак не могу излечиться от своего столичного снобизма. Ну и придумала – «столичный снобизм»...

Я последовала за Кошкиным. Он уже взобрался по ступенькам крыльца и дергал за ручку тяжелую дверь Дома творчества. Дверь не открывалась.

Ах да! Сегодня же воскресенье! Черт возьми!

Кошкин пнул изо всех сил ни в чем не повинную дверь и, сунув руки в карманы, спустился ко мне.

– Выходной же сегодня... Эх, чтоб вас!..

Я отступила на шаг и прищурилась. Вот здорово – когда Александр Александрович злится, он так похож на Чарли Чаплина! Сразу пропадает вся его благообразность, становится особенно заметен маленький рост. Только тросточки ему не хватает и котелка, да вот еще бородачка немного мешает. Ему бы усики...

– Эй! Кому там чего надо?! – прервал мои размышления грозный окрик.

Мы с Чапли... фу ты, с Кошкиным обернулись – дверь, не желавшая пропускать Александра Александровича в здание, приоткрылась, и в проеме теперь торчала бритая маленькая голова охранника. На бычьей, впрочем, шее.

– Кто долбился-то? Щас подолблю кому-то!... – продолжал

грозно вопрошать страж.

Кошкин покосился на меня. Его взгляд, казалось, спрашивал: «Справишься?»

Я кивнула.

– Ну, я долбился, – нарочито лениво и негромко, не вынимая рук из карманов, произнес Кошкин.

Лицо охранника перекосила презрительная усмешка. Он открыл дверь уже до конца и вышел на крыльцо. Здоровый такой парень лет двадцати пяти.

– Ты, что ли? Сморчок плюга... – Тут отчего-то он вдруг замолчал и, прищурившись, внимательно посмотрел на Кошкина.

Мой шеф тоже вынул руки из карманов и поменял выражение на своем лице с лениво-задиристого на заинтересованное.

– Александр... Александрович? – неуверенно спросил охранник. – Дядь Сань?

– Ну да, – растерянно ответил Кошкин. – Лешка, это ты, что ли?

– Я-а...

– Лешка это, – недоуменно почесывая кончик носа, обернулся ко мне Кошкин, – племянник мой... Лет пять, наверное, не виделись. Да, Лешка, пять?

– Шесть... С бабкиных поминок.

«Ничего себе племянничек, – подумала я, – а подолбить дядьке-то своему хотел».

– Да вы заходите! – засуетился вдруг племянник Лешка. – Сейчас тут никого нет, посидим.

– Никого нет, говоришь? – Кошкин побежал вверх по ступенькам. – Конечно, посидим, как же – пять лет не виделись. Шесть то есть.

– У меня и поллитровочка есть, – обрадовался племянник, – на другой случай хотел, но ради такого дела...

Родственники обнялись. Лешка, по своим размерам в два раза превосходящий дядю, с силой похлопал того по спине. Отпустил. Кошкин неловко затоптался на месте. Ему очень хотелось поскорее в Дом творчества.

Я тоже поднялась на крыльцо.

– Ого-го! – наконец-то заметил меня кошкинский племянник. – Жена у вас какая! А, дядь Сань? Молоденькая-то?

– Да это не жена, – кашлянув, отозвался Александр Александрович, – это... э-э... моя сотрудница.

– Сотрудница? Хэ... – хмыкнул племянник Лешка. И хитровато подмигнул Кошкину. – Ну, пойдемте, пойдемте, – снова заторопил он, хлопая огромными ручищами Кошкина по плечу, а меня чуть выше бедра.

Надо же, приткий какой! Очевидно, он не так понял смысл слова «сотрудница».

Мы совсем было наострились войти в здание, как вдруг Кошкин обернулся ко мне:

– Жень, если уж дело так обернулось... Я сам справлюсь. С родственником.

– Ну, если вы считаете нужным... – начала я.

– А чего? – забеспокоился шебутной Лешка. – Чего ты? – спросил он у Кошкина. – Пускай с нами.

– Да я к тебе... то есть в ваш Дом творчества по делу приехал в общем-то, – проговорил Александр Александрович. – Ну, ладно, потом расскажу, – махнул он рукой. – Что у нас там дальше по списку? – обратился Кошкин теперь ко мне.

– Районное почтовое отделение, – ответила я, – разрешите отправляться?

– Разрешаю. – Он посерьезнел. – Это отделение во-он за углом. Пять минут ходьбы. Полчаса, ну... час тебе хватит? Да? Значит, через час встречаемся здесь.

Я кивнула и начала спускаться с крыльца. Кошкин мужик деловой. Сомневаюсь, что он тут с этим новообретенным родственником станет пьянствовать. Если уж так повезло ему – на племянника нарвался, – должен Александр Александрович сделать все по первому разряду.

– Чего это вы такие? – вполголоса спросил за моей спиной племянник у Кошкина. – Воскресенье же... Дела какие-то...

Я обернулась и быстро, но внимательно оглядела Лешку с ног до головы. Он моего взгляда даже не заметил. Ничего подозрительного, обычный простоватый парень.

Интуиция – или внутренний голос, как хотите называйте, – у меня отлично развита – годы практики. Если человек не вызывает у меня беспокойства с первого взгляда, то, практически, никогда никаких неприятных сюрпризов не бывает.

Тем более Кошкин его хорошо знает, все-таки родной племянник...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.